

ДОСТОИНСТВО СВЯЩЕНСТВА.

Въ жизни общественной обыкновенно бываетъ такъ, что когда кто намѣревается принять на себя какую нибудь должность, предварительно разсматриваетъ ея относительную важность и соединенныя съ нею права, чтобы изъ такого разсмотрѣнія извлечь для себя урокъ, какъ благоразумнѣе проходить ее, какъ приличнѣе вести себя въ отношеніи къ прочимъ членамъ общества, какъ, получивъ почеть, достойно владѣть ею. Этотъ образъ естественной предусмотрительности не отвергаетъ и христіанство. „*Видите званіе ваше, братіе*“, — говоритъ Апостолъ христіанамъ (1 Кор. 1, 26); „смотрите, откуда вы призваны и гдѣ теперь обрѣтаетесь; познайте превосходство новаго своего состоянія, чтобы тѣмъ тщательнѣе отлагать все, что принадлежитъ ветхому естеству, и тѣмъ осторожнѣе подвизаться на новоизбранномъ покривѣ благочестія“. Въ этомъ именно духѣ церковь установила особенное состояніе для готовящихся принять вѣру и обязанности христіанскія,—состояніе, извѣстное подъ именемъ „оглашенныхъ“. Главная забота церкви въ отношеніи къ людямъ этого состоянія въ томъ и заключается, чтобы внушить имъ важность новаго званія, въ которое они хотятъ вступить, и силу обязательствъ, которыя необходимо соединены со вступленіемъ въ него. Но если для каждаго вѣрующаго нужно внимательное размышленіе о достоинствѣ христіанства; то не болѣе ли необходимо для вступающихъ или готовящихся вступить въ санъ священства достаточное и вѣрное познаніе важности священства? Высоко званіе христіанина, но не много труда нужно, дабы примѣтить, что священство составляетъ въ христіанствѣ нѣчто исключи-

тельно важное, особенно величественное. Чѣмъ выше званіе, тѣмъ болѣе требуется внимательности отъ вступающаго въ него. Если простому христіанину полезно помнить о достоинствѣ христіанства вообще; то не болѣе ли нужно вниманіе, чтобы познать достоинство священства, тому, кто готовится принять его на себя. Такая внимательность весьма много принесетъ пользы и отъ многого предохранитъ. Отчего иногда появляются недостойные пастыри? Отъ того между прочимъ, что въ душѣ слабо напечатлѣно высокое достоинство ихъ служенія, а потому въ глазахъ ихъ представляется оно дѣломъ обыкновеннымъ. И наоборотъ, какъ обыкновенно отзываются о пастыряхъ, достойно проходящихъ свое служеніе? О нихъ говорятъ, что они хорошо понимаютъ достоинство своего званія и умѣютъ держать себя соответственно своему высокому сану. И такъ, „нужно прежде, скажемъ словами Амвросія Медиоланскаго, познать достоинство священства, дабы тѣмъ достойнѣе сохранить его и не подпасть строгому слову Псалмопѣвца: *„Челотѣкъ въ чести сый— не разумѣтъ, приложится скотомъ несмысленнымъ и угодится имъ.* (Пс. 48, 13)“. Чѣмъ чаще мы будемъ размышлять о достоинствѣ священства, тѣмъ лучше познаемъ, какія высокія обязательства мы принимаемъ на себя вмѣстѣ съ этимъ саномъ; чѣмъ лучше познаемъ свящ. обязанности, тѣмъ удобнѣе и вѣрнѣе можемъ исполнять ихъ; чѣмъ достойнѣе будемъ нести священный санъ, тѣмъ болѣе и болѣе возвыситъ онъ насъ своимъ достоинствомъ.

Когда представляемъ составъ служенія пастырскаго, то приходимъ въ недоумѣніе, какое можетъ быть еще служеніе выше на землѣ. Служитель Божій поставленъ между небомъ и землею и, принадлежа небу по происхожденію своихъ обязанностей, онъ принадлежитъ землѣ по исполненію ихъ. Посланникъ Божій предъ людьми, ходатай за человѣковъ, служитель алтаря есть посредникъ между Творцомъ и тварію. Онъ пріемлетъ съ неба то, что низводитъ на землю; онъ взымаетъ отъ земли то, что возноситъ къ небу. Священство есть таинственная лѣствица, видѣнная во снѣ Іаковомъ, которой подножіе было на землѣ, но которой глава досязала до небесъ, и вверху которой утверждался Господь. Служители церкви—это суть ангелы, которыхъ видѣлъ патриархъ восходящими и нисходящими по лѣствицѣ, чтобы

сохранить общенія между небомъ и землею. Ибо всѣ главныя виды ихъ служенія пастырскаго, какъ происходятъ отъ Бога, такъ и высшую цѣль свою имѣютъ въ Богѣ. Пастыри церкви для того и изводятся на пажить, чтобы привести ее къ Пастыреначальнику—Христу. Дѣйствуютъ ли они, какъ учителя вѣры, или какъ совершители таинствъ, или наконецъ, какъ правители церкви, вездѣ открывается ихъ высокое достоинство, поставляющее ихъ въ особенной близости къ Божественному Пастыреначальнику.

Пастыри церкви важны, какъ учителя вѣры; потому что ихъ учительство само въ себѣ имѣетъ далекое преимущество предъ всѣми ученіями, какія только когда либо оглашали міръ. Оно весьма важно а) по своему происхожденію. Наше учительство и нашихъ учителей установила сама воплощенная Премудрость, которая окончила свое дѣло не тѣмъ только, что послала ихъ на проповѣдь и весь міръ предала имъ въ ученики, но и тѣмъ, что непреложно обѣщала своимъ посланникамъ дать уста и премудрость, которой бы не могли болѣе противиться мудрые вѣка сего. Не къ тому это мы замѣчаемъ, чтобы только хвалиться высокимъ происхожденіемъ духовнаго учительства, но чтобы показать силу его въ самомъ его источникѣ. Далѣе, б) оно важно по своему предмету и содержанію. Предметъ его составляетъ то, что въ мірѣ выше всего, что управляетъ міромъ, что господствуетъ надъ нимъ. Но если для человѣка воздѣланныѣ всего знать, въ какомъ отношеніи поставленъ онъ къ Богу, и какъ Самъ Богъ благоволилъ явить Себя въ отношеніи человѣку, то этой благородной любознательности никто лучше не можетъ удовлетворить, какъ Самимъ Богомъ учрежденные—наставники, которые вмѣстѣ съ образцомъ наставниковъ повторяютъ своимъ ученикамъ: „*Не судихомъ видѣти что въ васъ, точію І. Христа и сего распята*“. Обыкновенные наставники, прежде всего, стараются внушить своимъ ученикамъ важность своего предмета, чтобы тѣмъ поддержать свой авторитетъ. Учителя вѣры не имѣютъ этой нужды: ихъ дѣло столько превосходитъ всякаго другаго учительства, сколько духъ важнѣе плоти и сколько Божественное выше человѣческаго. „*Великое дѣло—говорить о Богѣ*“,—замѣчаетъ Св. Григорій Богословъ. Это такъ и должно быть; потому что тайны, сокрытыя отъ вѣкъ и родовъ, здѣсь стано-

вятся доступными для всѣхъ: великія истины, „въ няже жилиють ангелы приикнути“, при посредствѣ учителей вѣры дѣлаются достояніемъ младенцевъ по вѣрѣ. — в) Не менѣе важно пастырское учительство и по своей цѣли. Тогда какъ многимъ наставникамъ въ кругу мірскаго просвѣщенія достаются слушатели предварительно приготовленные и слѣдовательно способные принимать всякія наставленія; всѣ слушатели наставниковъ духовныхъ немощны по своей природѣ,—ихъ сердце, поврежденное въ родоначальникѣ, требуетъ постояннаго и долговременнаго попеченія, чтобы спасеніе его не оставалось не возможнымъ. Вотъ задача для духовныхъ наставниковъ: они не столько преподаватели истинъ неизвѣстныхъ, сколько врачи, дающіе прямое направленіе уму врачуемыхъ, исправляющіе ихъ волю, очищающіе ихъ сердце отъ вредныхъ наростовъ. „Цѣль врачеванія тѣлеснаго, говоритъ Св. Григорій Богословъ, или сохранить здоровье и благосостояніе плоти, когда оно есть, или возвратить, когда утрачено, — хотя и неизвѣстно, полезно ли будетъ сіе обладающему здоровьемъ. Цѣль врачеванія духовнаго—окрылить душу, нехитить изъ міра и предать Богу, сохранить образъ Божій, если цѣль, поддержать, если въ опасности, обновить, если поврежденъ, вселить Христа въ сердца Духомъ, короче сказать, того, кто принадлежитъ къ горнему чину, содѣлать Богомъ и причастникомъ горняго блаженства. Сего—то врачеванія служители и сотрудники всѣ мы, предсѣдательствующіе предъ другими“. Можно теперь судить, какъ важно учительство пастырское по своей цѣли. Не несправедливо присвояютъ себѣ важность тѣ наставники, которые своими трудами способствуютъ совершенствованію ума, распространенію просвѣщенія въ человѣческомъ родѣ: потому что и это дѣло полезное и достохвальное. Но гораздо болѣе имѣетъ достоинства тотъ опытный руководитель, который научить человѣка, подверженнаго на каждомъ шагу непріятностямъ болѣзней и опасностямъ смерти, какъ предохранять себя отъ болѣзней, какъ отдалить случаи смерти. Но во сколько разъ этихъ наставниковъ, имѣющихъ цѣлю благосостояніе кратковременной жизни, превосходитъ тотъ отъ Бога посланный учитель, который, врачуя немощное, научаеъ, какъ торжествовать среди немощей, предостерегаеъ отъ опасностей смерти ду-

ховной, путеводить къ жизни вѣчной, который наказуетъ нерѣдко своихъ питомцевъ и словомъ обличенія, чтобы тѣмъ крѣпче соединить ихъ со Христомъ, „дабы они“ „причастились святыни Его“?—г) Наконецъ, пастырское учительство важно по своей силѣ и вліянію на общества. Тогда какъ наставники въ кругу образованія мірскаго не всегда достигаютъ полной довѣренности отъ своихъ слушателей, которые въ этомъ случаѣ очень благоразумно слѣдуютъ древней пословицѣ: „дорогъ голосъ Платона, но болѣе важень гласъ истины“, наставники духовныя, не ища побѣды, побѣждаютъ. Имъ внимаютъ образованныя такъ же послушно и безмолвно, какъ и простые. Люди, гордые умомъ, любящія, чтобы въ ухахъ другихъ раздавался только звукъ ихъ голоса, умолкаютъ и внимаютъ, когда возвышаетъ гласъ свой сильный силою слова Божія пастырь. Подобно какъ въ началѣ христіанскаго учительства, неученые рыбаки и ихъ простые преемники низложили оружіемъ своего помазаннаго свыше слова самыя тонкія ухищренія враждовавшаго противъ истины разума человѣческаго, побѣдили сильныхъ земли, вооружавшихся даже внѣшнею силою противъ ихъ ученія,—и нынѣ далекіе по времени, но близкіе по духу преемники древнихъ пастырей разсѣкаютъ простотою евангельскаго ученія узлы лжеименнаго разума, которыми хочетъ онъ связать силу вѣры, чтобы дать болѣе свободы своему своеволію, возвращаютъ къ своему долгу сильныхъ земли, которые стремясь дать болѣе простора страстямъ и пороку, подавляютъ сѣмя вѣры въ себѣ самихъ и своихъ подчиненныхъ. А во время общественныхъ несчастій чье вліяніе бываетъ сильнѣе, какъ не пастырей церкви? Ихъ голосъ принимаютъ, какъ гласъ свыше; ихъ указаніямъ слѣдуютъ, какъ видимыхъ мановеніямъ Промысла; ихъ утѣшеній жаждутъ, какъ утѣшеній ангельскихъ; ихъ жизнь берегутъ, чтобы сохранить свою жизнь. Такъ важны пастыри, какъ учителя вѣры!

Не менѣе важны они, и какъ священнодѣйствователи и совершители таинствъ. Подобно тому, какъ владыки міра желаютъ, чтобы нужды подданныхъ восходили къ нимъ чрезъ посредство ихъ служителей, и чтобы тѣже приближенные къ нимъ были протоками ихъ милостей, изливающихся на подданныхъ,—Владыка всяческихъ устроилъ, что-

бы наши молитвы, обѣты и нужды восходили къ престолу благодати чрезъ служителей благодати, чтобы сіи избранники были раздавателями даровъ, исходящихъ изъ сокровищницы небесной. Если же посему высоко достоинство приближенныхъ къ царю земному, то гораздо большее преимущество имѣють предъ ними предстоятели небеснаго царя. Тѣ дѣйствуютъ только по слову своего повелителя, а въ послѣднихъ дѣйствуетъ Самъ Христосъ Своєю таинственною силою. Они возносятъ къ Отцу Небесному молитвы земныхъ чадъ Его; Христосъ представляетъ Ему эти молитвы, какъ единый Ходатай Бога и человѣковъ. Они совершаютъ таинство; Христосъ укрѣпляетъ ихъ благодатію, дабы совершаемое ими возымѣло свою силу и дѣйственность для того, надъ кѣмъ совершается. Они произносятъ отпущеніе грѣховъ; Христосъ, невидимо предстоящій грѣшнику, утверждаетъ ихъ разрѣшеніе, ими даруемое: они приносятъ безкровную жертву за спасеніе міра; Самъ Христосъ бываетъ при семъ приносителемъ и совершителемъ тайны, ибо Онъ, по слову молитвы, есть и „приносящій и приносимый, и пріемляй и раздаваемый“. Нѣтъ ни одного дѣйствія въ священнослуженіи, которое бы не заимствовало своей силы и дѣйствительности отъ Его содѣйствія. Отсюда понятнымъ становится выраженіе Григорія Богослова, что священникъ „священнодѣйствуетъ со Христомъ“. Не входя въ подробное изложеніе обязанностей пастыря, какъ совершителя священнодѣйствій, мы укажемъ только важнѣйшія дѣйствія, совершаемыя пастырями въ Царствѣ благодати, чтобы видѣть изъ нихъ высокое достоинство пастырскаго служенія. Первое благодатное дѣйствіе пастырей есть то, что они отражаютъ всѣхъ въ жизнь духовную христіанскую. Въ жизни важнымъ признается рожденіе дѣтей по плоти, такъ что сюда можно отнести слова апостола: „спасется жена чадородія ради“; сколь же важно рожденіе дѣтей по духу, отрожденіе ихъ банею пакыбытія и обновленіемъ Св. Духа? Безъ отрожденія благодатнаго теряетъ свою цѣну и рожденіе плотское: ибо что можетъ быть несчастѣе, какъ жить тѣломъ и быть мертвымъ по духу? Тогда истинно пріятно бытіе земное, когда мертвый по прегрѣшеніямъ сооживаетъ Христу и воскресаетъ для вѣчной и блаженной жизни въ Богѣ. А этотъ спасительный даръ именно и подаютъ намъ

пастыри, заступая для насъ мѣсто духовныхъ отцовъ и крестителей. „Они—то суть тѣ,—пишетъ Златоустъ,—которымъ поручено рождать духовныхъ чадъ и возсозидать крещеніемъ. Черезъ нихъ—то мы облакаемся во Христа, соединяемся съ Сыномъ Божиимъ, содѣлываемся членами блаженной главы (Христа), такъ что, по справедливости мы должны чтить ихъ болѣе, чѣмъ отцевъ своихъ, потому что эти родили насъ отъ крови и отъ похотѣнія плоти, а тѣ рождаютъ отъ Бога, даруютъ намъ святое таинство, истинную свободу и благодатное усыновленіе“. Но такъ какъ, по общей слабости человѣческой, и человѣкъ, уже возрожденный, не можетъ совсѣмъ удержаться отъ поползновеній ко грѣху; то здѣсь открывается поводъ для пастырей церкви къ новому, весьма важному благодатному дѣйствію. Священникъ проникаетъ, чрезъ таинство покаянія въ прокаженную грѣхомъ душу, открываетъ степень зла и чтобы дать опять силу доброй наклонности, прилагаетъ духовный пластырь и обязаніе. Въ этомъ своемъ дѣйствіи онъ не ограничивается, по образу судей земныхъ, только объявленіемъ невинности осужденному, онъ возвращаетъ невинность виновнику; онъ не объявляетъ только грѣхи отпущенными, но самъ отпускаетъ ихъ силою благодати. Онъ водворяетъ миръ между оскорбленнымъ Богомъ и виновнымъ человѣкомъ, и прежняго врага своего Господь немедленно признаетъ Своимъ сыномъ и другомъ. Св. Златоустъ, желая показать въ этомъ отношеніи достоинство пастырей церкви, опять сравниваетъ ихъ съ родителями плотскими. „Эти не могутъ, — говоритъ онъ, — защитить дѣтей своихъ и отъ тѣлесной смерти, даже не сильны отогнать отъ нихъ заразившую тѣло болѣзнь: тѣ напротивъ часто спасали болѣзненныя души, долженствовавшія погибнуть, то подвергая ихъ кроткому наказанію, то удерживая при самомъ началѣ отъ паденія, не только ученіемъ и наставленіемъ, но и помощію молитвы. Ибо не только они возраждаютъ насъ крещеніемъ, но имѣютъ власть разрѣшать отъ грѣховъ, и послѣ возрожденія сдѣланныхъ. Кромѣ того, плотскіе родители никакой не могутъ оказать помощи дѣтямъ своимъ, когда они оскорбятъ какого нибудь знаменитаго и сильнаго человѣка. Но священники примиряютъ съ людьми не вельможъ, не царей, а раздраженнаго Бога“.—Отъ судилища покаянія свя-

щенникъ восходитъ къ алтарю, — и здѣсь является болѣе величественнымъ, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ своего служенія. Здѣсь онъ совершаетъ такое таинство, которое, служа основаніемъ нашей вѣры, превосходитъ своимъ величіемъ всѣ чудеса въ мірѣ. Бренными руками и языкомъ священникъ совершаетъ на престолѣ то, что служитъ источникомъ для всѣхъ нетлѣнія, безсмертія и блаженной жизни. По малому молитвенному гласу его, но по великому дѣйствию Святаго Духа простой хлѣбъ и вино прелагается въ существо истиннаго тѣла и крови Христовой, — и Самъ Спаситель, пострадавшій на крестѣ, какъ совершенный Богъ и совершенный человѣкъ, истинно и дѣйствительно присутствуетъ въ Св. Дарахъ. Напрасно бы мы усиливались изъяснить величіе сего таинства и величіе, при совершеніи его, священника, когда въ отношеніи къ этому тайнодѣйствию сама церковь требуетъ, „да молчитъ всякая плоть человѣка и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ“. Только золотыя уста великаго Святителя способны были изобразить то, что хочетъ постигнуть наша душа, но чего выразить не въ состояніи языкъ. „Когда кто размыслитъ, — пишетъ Златоустъ, — сколь важно то, чтобы будучи человѣкомъ еще обложеннымъ плотію и кровію, присутствовать близъ блаженнаго и безсмертнаго естества; тогда увидитъ ясно, какой чести удостоила священниковъ благодать Духа. Представь предъ очи Ілію; представь, что его окружаетъ безчисленный народъ, жертва возлежитъ на камняхъ, всѣ другіе наблюдаютъ тишину и глубокое молчаніе, одинъ только пророкъ возсылаетъ молитву, — и что послѣ того пламень мгновенно ниспадаетъ на жертву. Все сіе внушаетъ удивленіе и благоговѣйный ужасъ. Перейди теперь отсюда къ жертвоприношенію нашему и увидишь, что оно не только удивительно, но и превосходитъ всякое удивленіе. Предстоитъ священникъ низводя не огонь, но Святаго Духа; возноситъ усердную молитву не о томъ, чтобы огонь ниспалъ съ неба и попалилъ предложенную ему снѣдь; но чтобы благодать, нисшедши на жертву, возгла души людей и содѣлала свѣтлѣйшими чистаго серебра. Тогда и Ангелы предстоятъ священнику, и все мѣсто жертвенника, въ честь Возлежащаго на немъ, исполняется небесными силами“. — Такъ, если при исполненіи другихъ обязанностей пастырь бываетъ облеченъ внѣшнимъ своимъ

достоинствомъ, для всѣхъ яснымъ, то при совершеиіи таинствъ онъ, кромѣ того, является еще въ нѣкоторомъ таинственномъ величіи, которое не для всѣхъ удобообразуемо, но которое тѣмъ сильнѣе увлекаетъ способныхъ понимать его.

Наконецъ, достоинство пастырей церкви открывается въ ихъ правительственной власти. Люди, привыкшіе благоговѣть предъ тою только властію, которая облечена внѣшнимъ могуществомъ, которая дѣйствуетъ на совѣсть подвластныхъ не столько положительными побужденіями, заимствуемыми отъ внутренняго достоинства нравственности и добродѣтели, сколько отрицательными принужденіями, всегда содержащими душу въ страхѣ взысканій и наказаній, и которая даже и этимъ страхомъ преслѣдуетъ только внѣшнія дѣйствія человѣка, не имѣя часто силы проникнуть во внутреннее состояніе его духа,—такіе люди власть духовную почитаютъ только властію по имени и въ пастыряхъ церкви, когда они предъявляютъ свои властительскія права, не столько хотятъ признать это выраженіемъ ихъ достоинства, сколько обличить въ нихъ духъ властолюбія и тщеславія. Но всѣ подобные люди въ самыхъ своихъ понятіяхъ о власти вообще даютъ намъ оружіе противъ себя. Ужели властію должно называть только то, что облечено внѣшнимъ могуществомъ? Сынъ почитаетъ отца потому ли только, что отецъ имѣетъ внѣшнее на него вліяніе? Какъ же въ такомъ случаѣ понять почтительность къ родителямъ такого человѣка, который самъ возвеличенъ саномъ властительскимъ, между тѣмъ какъ его родители не пользуются и тѣнью подобнаго преимущества? Есть, стало быть, власть, которая не требуетъ для себя внѣшнихъ опоръ, которая тѣмъ не менѣе можетъ господствовать надъ сердцами подвластныхъ. А таковъ именно главный характеръ власти пастырей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, обратимся къ самому источнику этой власти. Иисусъ Христосъ не искалъ не только никакой власти, но и Своей воли; однакоже Его называютъ учителемъ, и Онъ говоритъ, *яко власть имый*; Его просятъ быть дѣлителемъ имѣнія, и онъ даетъ отеческое наставленіе блюстись отъ любостыжанія; Онъ не требовалъ ни отъ кого Себѣ повиновенія, но Его имени повинуются не только люди, но и бѣсы; Онъ говоритъ: „царство Мое нѣсть отъ міра сего“ — но Его прямо

именуютъ царемъ, Его встрѣчаютъ и чтутъ, какъ царя. Взглянемъ на этого царя и съ другой стороны. Онъ говоритъ о Себѣ: „*Дадеса ми всяка власть на небеси и на земли*“: но при такомъ Своемъ могуществѣ не имѣеть, „*гдѣ главу подклонити*“: свидѣтельствуеть о Себѣ, что мановенія Его ожидаютъ болѣе, нежели дванадесять легионовъ ангеловъ, и приходитъ на землю, „*не да послужатъ Ему, но послужити*“; обладать славою у отца Небеснаго, „*прежде міръ не бысть*“, и умываетъ ноги ученикамъ, чтобы показать имъ поучительный образъ смиренія. Гдѣ же примиренія этихъ противоположностей? Что за власть и вмѣстѣ отрицаніе власти? Чему болѣе апостолы и ихъ преемники могли научиться изъ сего—властвовать или покорствовать? Къ большому недоумѣнію, Самъ Спаситель то желать уничтожить въ ученикахъ Своихъ всякое желаніе чести, то общалъ возвести ихъ на высокую степень славы. То говорилъ нѣкоторымъ изъ нихъ: „*а еже състи одесную мене, или ошуюю, нѣсть мое дати*“; то ободрялъ ихъ обѣтованіемъ: „*яко вы, шедши по мнѣ въ никибытіе, егда сядетъ Сынъ человеческій на престоль славы своя, сядете и вы на двюнадесяте престолу, судяще обѣмнадесате колѣнокми Перилевома*“. Ключъ къ разрѣшенію этихъ кажущихся противорѣчій заключается въ томъ, что хотя І. Христосъ не искалъ власти, и воспрещалъ это своимъ ученикамъ, но власть, если позволено будетъ такъ выразится, сама искала І. Христа и въ высшей степени приличествовала Ему, а чрезъ Него, и Его намѣстникамъ и служителямъ. Его ученіе ясно свидѣтельствовало о Немъ, что Онъ посланъ отъ Бога; даже самые враги его сознавались, что Онъ „*отъ Бога пришелъ естъ учитель и пути истинному учитъ*“. Но ничто столько не можетъ сообщить авторитета человѣку, какъ сила слова. Въ жизни общественной не трудно примѣтить, что кто говоритъ убѣдительное другихъ, тотъ и господствуетъ надъ умами другихъ. Это наблюденіе, въ его высшемъ смыслѣ, мы можемъ приложить и къ Божественному учителю І. Христу: словомъ Своимъ создать Онъ Свою власть на землѣ, словомъ же Своимъ Онъ содѣлалъ ее достояніемъ Своимъ и Своихъ избранныхъ. Справедливость этого замѣчанія утверждается на Евангельскомъ повѣствованіи, гдѣ говорится, что „*дивляхуся народы о ученіи Его, яко со властію бѣ слово Его, яко никомуже тако гл-*

власть есть чловѣкъ, яко сей чловѣкъ". Это общее удивленіе предъ Его ученіемъ, безъ сомнѣнія, и было началомъ общаго Ему повиновенія. Такую послѣдовательность утверждаетъ Самъ Спаситель: „*Азъ ни сіе родихся, говоритъ Онъ о Себѣ, и ни сіе придохъ, да свидѣтельствую истину*“,—и въ слѣдъ за тѣмъ присовокупляетъ: „*и всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа Моего*“. Значитъ тотъ только, кто „*не отъ истины*“, кто бѣгаетъ ея, кто вооружается противъ нея, дерзнетъ отказать въ послушаніи Спасителю. Подобно Христу Апостолы, преимущественно властнымъ словомъ, уловляли всѣхъ въ послушаніе Христово. Такъ, Апостолъ Павелъ пишетъ къ Коринѣянамъ: „*о Христѣ Іисусѣ блгвогьствованіемъ азъ вы родихъ*“,—и къ уклонившимся отъ чистоты вѣры Галатамъ: „*видци мои имже такъ болѣзную, дондеже бообризитя въ васъ Христосъ*“. Равно и Ап. Іоаннъ не иначе называетъ учениковъ своихъ, какъ чадами, конечно въ смыслъ духовнаго отроженія. Можно теперь судить о важности пастырской власти уже по самому ея происхожденію. Но кромѣ того, что она ведетъ начало прямо отъ Божественнаго законоположника, мы можемъ видѣть обязательную ея силу и изъ подобія ея власти родительской. Какъ власть родительская естественно принадлежитъ родителямъ и непринужденно преклоняетъ дѣтей къ повиновенію, такъ что неповиновеніе въ этомъ случаѣ оказывается противленіемъ внушеніямъ самой природы; такъ и власть духовная естественно принадлежитъ пастырямъ церкви, какъ отцамъ отрождающимъ въ жизнь духовную, и имѣетъ сильное и невынужденное вліяніе на всѣхъ членовъ церкви. И какъ власть родительская въ родѣ чловѣческомъ древнѣе, священнѣе и выше всякихъ видовъ власти, ибо самое гражданское управленіе тѣмъ бываетъ ближе къ природѣ, а слѣдовательно и лучше, чѣмъ болѣе уподобляется управленію семейному; такъ власть духовная въ томъ самомъ выражаетъ свое высшее достоинство, что она есть также власть родительская, но не въ плотскомъ смыслѣ, а высшемъ, духовномъ и богатомъ знаменованіи. Чтобы лучше видѣть внутреннее величіе правительственной власти пастырской, укажемъ на отношенія ея къ власти гражданской. Оба эти рода власти различаются а) по своему предмету. Напрасно протестанство и паписты всѣ предметы по части управленія

въ христіанскомъ обществѣ хотять подчинить одной какой нибудь власти, отвергая другую. „*Воздадите Кесарева Кесареви, а Божія Богови*“,—сказалъ Спаситель. Церковь сосредоточивается въ гражданствѣ по внѣшнему своему положенію, гражданство принадлежитъ церкви по своей вѣрѣ и спасенію. Церковь, подчиняясь гражданской власти въ дѣлахъ внѣшняго благоустройства, воздастъ Кесарева Кесареви; а гражданство, подчиняясь церкви въ дѣлахъ вѣры, воздастъ Божія Богови. Какъ царство Христово на землѣ, церковь выше всего земного, и какъ Самъ Христосъ, *она нѣсть отъ міра сего*; а потому не сообразно съ ея духомъ ни самой ей подчиняться земному, ни себѣ подчинять земное: первое для нея уничтожительно, второе ей не свойственно. Достопамятны въ этомъ отношеніи слова Константина В. къ православнымъ епископамъ: „Богъ поставилъ васъ епископами церкви по внутреннему ея устройству, а я епископъ по внѣшнему ея состоянію“. Итакъ, предметы власти духовной во столько выше предметовъ власти гражданской, во сколько сама церковь выше обыкновеннаго общества, во сколько внутреннее важнѣе внѣшняго и духовное тѣлеснаго. Далѣе, цѣль власти гражданской есть видимое благоустройство гражданскаго общества, направленное къ тому, чтобы всѣ члены его жили мирно и счастливо въ нынѣшнемъ вѣкѣ; цѣль власти пастырской есть распространеніе и утвержденіе царства Христова, сохраненіе единства и нераздѣльности вѣры, дабы всѣ пасомые получили спасеніе и вѣчное блаженство. Слѣдовательно эта послѣдняя власть во столько важнѣе первой, во сколько спасеніе души должно быть для насъ драгоцѣннѣе внѣшняго благополучія и жизнь вѣчная важнѣе кратковременнаго земнаго бытія.—Потомъ, власть гражданская смотритъ только на видимое, а о внутреннихъ побужденіяхъ къ поступкамъ заключаетъ только по мѣрѣ соображенія внѣшнихъ обстоятельствъ; власть пастырская проникаетъ въ самыя сокровенныя тайны духа и судить не явныя только дѣла, но и намѣренія и желанія. Примѣръ, какъ далеко простирается судъ пастырей, мы видимъ въ судѣ апостольскомъ надъ Ананією и Сапфирую. Отсюда, если власть духовная и уступаетъ гражданской по внѣшнему объему своего судопроизводства, то всегда превосходитъ послѣднюю по внутреннему ея содержанію. Судъ пастырскій,

произносимый на основаніи слова Христова, есть тоже, что судъ Божій. Ибо Спаситель, ввѣряя пастырямъ право суда, запечатлѣлъ силу его такою великою и непреложною важноію, что все, связанное ими на земли, будетъ связано на небеси. Св. Златоустъ замѣчаетъ: „и земные владыки имѣють власть связывать, но только тѣла. А тѣ узы, т. е. налагаемая священниками, связываютъ душу, проникають небеса,—и что священники опредѣляютъ на землѣ, то Самъ Богъ утверждаетъ на небѣ. Господь согласуется съ мнѣніемъ рабовъ своихъ“!

Такимъ образомъ хотя Спаситель воспретилъ своимъ апостоламъ и преемникамъ всякое желаніе чести и даже сказалъ: *„иже хощетъ въ васъ вящій быти, да будетъ всемъ рибъ“*; но какъ по закону, поставленному Самимъ же Спасителемъ, *„всякъ смиряйся вознесетъ“*, то и смиренное властительство, участниками котораго содѣлались пастыри, явилось *„превыше всякаго начальства и власти“* земной. Потому-то Златоустъ не усумнился поставить власть пастырскую даже выше царской. „Священство,—говоритъ онъ,—выше власти царской. Ибо если хочешь видѣть различіе между царемъ и священникомъ, разсмотри властительство, врученное тому и другому, и увидишь, что священникъ возсѣдаетъ гораздо выше царя. Хотя намъ удивительнымъ кажется престоль царскій, по причинѣ драгоценныхъ камней и золота, которымъ онъ украшенъ, однакоже самому царю предоставлено управленіе дѣлами земными; между тѣмъ какъ престоль священника утвержденъ въ небеси, и онъ получилъ власть провозвѣщать о вещахъ небесныхъ. Посему онъ также долженъ быть названъ царемъ,—и еще онъ гораздо почетнѣе царя. Ибо когда дѣло идетъ о вещахъ небесныхъ, тогда царь къ священнику, а не священникъ къ царю обыкновенно обращается“. Къ симъ словамъ вселенскаго учителя мы почитаемъ не излишнимъ присовокупить еще и то, что власть пастырская всегда служитъ опорой царской власти, а иногда и сильною защитою ея противъ внутреннихъ враговъ государства. Обращаясь къ исторіи, мы безъ труда замѣтимъ, что власть государственная тѣмъ болѣе имѣла силы и вліянія на подданныхъ, тѣмъ безопаснѣе была отъ междоусобій и смятеній, чѣмъ болѣе довѣрялась

власти духовной. чѣмъ чаще пользовалась авторитетомъ послѣдней. Въ этомъ конечно заключается причина, почему, между прочимъ, и наши—монархи обращаютъ попечительное вниманіе на сословіе духовное, способствуя его просвѣщенію, превращая его нужды и предоставляя ему выгоды для выгодъ общественныхъ.

Сергій, Митрополитъ Московскій.
